

Frédéric Neyrat
The Unconstructable Earth: An Ecology of Separation / Trans. by Drew S. Burk. New York: Fordham University Press, 2019, 241 p. ISBN 9780823282579

Денис Шалагинов

Независимый исследователь,

Москва, Россия

E-mail: deterritorisation@yandex.ru

Траектория разделения

Именно Земля, а не пролетариат, сегодня является главным действующим лицом истории...

Патрис Маниглие

Каков сегодня статус внешнего? Можно ли найти следы экстерности, несоизмеримой с циклом капиталистического (вос)производства, в мире, где «каждая траектория кажется геолокализуемой», а «всякая неясность — проясненной» (Neyrat 2018a: 1)?

В книге «Неконструируемая Земля» (2016)¹ французский философ Фредерик Нейра предлагает геофилософский ответ на этот вопрос: чтобы обнаружить внешнее в мире «насыщенной имманентности»,² необходимо подступиться к Земле с ее невидимой стороны, очистив от объективных и субъективных коннотаций. Этот теоретический маневр равнозначен двойному дистанцированию: во-первых, от тех, кто рассматривает планету как платформу для строительства шахт и бурения, низводя ее до статуса вместелища ресурсов; во-вторых, от тех, кто «обожествляет» и(ли) «одушевляет» Землю, превращая ее в некий квазисубъект.

Главной критической мишенью Нейра³ выступает «геоконструктивизм» — продукт «встречи конструктивизма и геоинженерии» (Neurat 2014). Геоконструктивизм отнюдь не является единой теорией и возникает на пересечении дискурсов инженеров, архитекторов, биологов, политиков, бизнесменов, географов, социологов, философов, экологов и так далее. Что их объединяет, так это «фундаментальная фантазия», состоящая в том, что Земля *может и должна* быть «ретерраформирована», то есть подвергнута масштабной модификации, которая выдается за единственно возможное решение экологических проблем. Нейра ставит перед собой задачу проанализировать эту «страсть к переделыванию» и выработать альтернативную концепцию природы и человеческих отношений с Землей.

Геоконструктивизм непосредственно связан с антропоценом как новым метанарративом, ориентированным на превращение планеты в управляемую машину — своего рода фуллеровский «космический корабль “Земля”». При этом сама планета должна быть полностью «поглощена» технологиями: природе заранее вынесен смертный приговор. Подобный «анатурализм» проливает свет на неявное союзничество геоконструктивизма и «экоконструктивизма» — дискурса, для которого характерно «эйфорическое провозглашение смерти природы», ведь «для экоконструктивистов ничто не дано, все является процессом, и в этом смысле *все может быть сконструировано*» (Neurat 2019: 11). Таким образом, «смерть великого Пана» (Латур 2018: 35), по сути, играет на руку планетарному менеджменту

¹ Комментируемый мной английский перевод книги впервые опубликован в 2018 году.

² Термин «насыщенная имманентность» (*saturated immanence*) обозначает онтологический режим абсолютного потока, где «все постоянно остается внутри — без надежды на выход» (Neurat 2018a: 4).

³ Что явствует уже из оригинального подзаголовка книги: «Critique du géoconstructivisme».

и его опьяненным верой в технологии⁴ адептам из различных дисциплинарных областей. Отсюда подчеркнуто антилатурианский тон книги: против борьбы с «великим разделением», которая, по Нейра, неизбежно ведет к колонизации миноритарного элемента такого разделения (нечеловеческое «пересобирается» по прихоти человека); против абсолютизированных взаимосвязи и неопределенности, блокирующих способность к (политическому) действию; против «общего мира», наступление которого означает триумф «экзофобии», Нейра предлагает проект *экологии разделения*.

Генеральная линия этого проекта в целом совпадает с курсом других работ Нейра, в которых также играют ключевую роль концепты разделения, прерывания, дистанции и так далее. Вкратце: если разделение — камень, отброшенный строителями общего мира, то поставить этот камень во главу угла — значит поставить под вопрос проекты адвокатов планетарного менеджмента. Превращение Земли в пилотируемую машину равнозначно стиранию мало-мальски значимых различий и замыкание экзистенциальных миров в «ликвидной стабильности» глобального капиталистического внутреннего. Кредо этого режима совпадает с рефреном спинозистского материализма: «внешнего нет» (Берарди 2018: 121). Но отсутствие внешнего ставит под угрозу саму возможность радикальной социально-политической и экологической альтернативы. Дабы не допустить этого замыкания в безвыходности, необходимо реанимировать силу расхождения и разъединения — заново научиться мыслить разрыв.

Но, разумеется, не всякий разрыв: *разделение (separation)* важно отличать от *расщепления (split)*, обуславливающего «фантазию абсолютной иммунизации» (см.: Neyrat 2014). Эта фантазия заключается в том, что, с одной стороны, мы знаем о собственной незащищенности, с другой — действуем так, будто *не верим* в нее.⁵ Расщепление между знанием и верой проливает свет на причины «одновременного разрушения экосферы и отрицания этого разрушения» (Ibid). Под расщеплением, таким образом, понимается *противопоставление без медиации*. Если разделение, по Нейра, предполагает артикуляцию и признание различий, то расщепление, напротив, состоит в установлении идентичности посредством отказа от такого признания. Расщепление тем самым представляет собой радикальный

⁴ См.: «...геоконструктивизм — это технополитика» (Neyrat 2019: 45).

⁵ Здесь концепция Нейра вступает в явный резонанс с «просвещенным катастрофизмом» Жана-Пьера Дюпюи (см.: Дюпюи 2019: 24–48, 131), к которому автор напрямую обращается (см.: Neyrat 2019: 97).

«замыкающий» разрыв между двумя уровнями реальности. В этом свете становится заметно, что разграничение *природы/культуры* — отнюдь «не великое разделение реальности, а великое отвержение значительной ее части» (Neurat 2019: 149–150).

Расщепление воплощается в парадоксе антропоцена: человек мыслит себя одновременно как спасителя и жертву. С одной стороны, он — геологическая сила, якобы занимающая внешнюю позицию по отношению ко всему нечеловеческому, и эта саморепрезентация доводит до предела его замаскированную под ответственность «метафизическую гордыню» (см.: Дюпюи 2019: 48). С другой — он страдает от планетарных пагубных последствий своих же «спасательских» действий (Neurat 2019: 14). Чтобы устранить этот парадокс, Нейра предлагает вести теоретическую войну на двух фронтах: 1) подрывать разделение на Человечество-субъект и Землю-объект, делая акцент на реляционности и невозможности изоляции; 2) уклоняться от обобщенной взаимосвязи через введение *дистанций*: «копать норы и вводить зазоры» (Shaviro 2018: xi). Задача, разумеется, не в том, чтобы отбраковать экологический принцип всеобщей взаимосвязи, но, скорее, в том, чтобы усложнить его посредством «контрпринципа разделения» (Neurat 2019: 14). *Дистанции* или *интервалы* представляют собой различия между двумя вещами, существами или аспектами личности; при этом, согласно Нейра, не так уж сложно рассматривать людей отделенными от других существ, не наделяя это отделение свойством «интегрального разрыва»: «Ни один человек не самодостаточен — я связан с другими, потому что я отделен, потому что я несу в себе инаковость» (Ibid: 150).

Нейра справедливо замечает, что без разделения невозможна никакая политика, кроме «автоматической политики неограниченного развития» (Ibid: 72).⁶ или постепенного построения общего мира (Ibid: 103–104). Но, как явствует из сказанного выше, задача его проекта состоит в подрыве предполагаемого таким миром Единого, и подрыв этот обладает прибавочным «топософским» смыслом (см.: Neurat 2018a: 13–27). Дело в том, что «призыв к единству или безусловное утверждение взаимосвязи всего со всем» блокирует саму возможность индивидуации: посредством устранения интервалов, дистанций и зазоров Единое (= насыщенная имманентность) не оставляет места для *экзистенции*, то есть буквально «бытия вовне» (Neurat 2019: 142).

⁶ См.: «Когда все рассматривается как непрерывное и связанное без разрыва или внешнего, автоматические реакции заменяют решения, и всякая новинка, появляющаяся на рынке насыщенных антропогенных сред, преподносится как неизбежная судьба» (Neurat 2019: 14).

Исходя из этого необходимо переосмыслить имманентность так, чтобы оставить место для множественных разрывов в ее ткани — внутренних очагов внешнего; или, иными словами, оставить место для (не)места⁷ — *atopiu* (*atopia*), чреватой экстериорностью (см.: Neyrat 2018a). Таким образом, Нейра, по сути, инвертирует топологию внешнего (Neyrat 2018b: 104) и тем самым успешно уклоняется как от внемирной трансцендентности, так и от насыщенной (то есть абсолютной) имманентности, в пользу *множественной имманентности* (Neyrat 2014), попутно открывая Землю ее внутренним экстериорностям. Сделать это ему позволяет концептуализация природы в ключе антипроизводства, и данный аспект его работы, пожалуй, представляет наибольший интерес.

Прежде всего Нейра предлагает перестать деконструировать природу, ведь деконструкция сегодня не является сугубо теоретической процедурой, но наряду с реконструкцией образует специфический конструктивистский цикл: «передельвание суть категорический императив нашего времени» (Neyrat 2019: 16). На страницах «Неконструируемой Земли» осуществлена своеобразная каталогизация вариантов «иллюзорной природы» (Ibid.: 106). Подробно комментируя их, Нейра вычленяет общий симптом: анатуралистское влечение к смерти природы, или «физициду», ценой которого как раз и является «легитимация фантастической возможности передельвания мира, с тем чтобы управлять им»; мир, однако, рано или поздно выходит из-под человеческого контроля, «оставляя людей в одиночестве — без природы и без мира» (Ibid.: 133). Таким образом, анатурализм, подпитываясь разоблачением природы как идеологемы, потенциально ведет к «акосмизму», то есть выживанию в мире, непригодном для существования (см.: Danowski, Viveiros de Castro 2017: 43). Дабы выйти из тупика анатурализма и акосмизма, Нейра прокладывает теоретический маршрут к «реальной природе» — той, что *отдельна* (*separate*) от мысли, но *не отщеплена* (*split*) от нее (Neyrat 2019: 134, 151). Что это за природа? В первом

⁷ По Нейра, необходимо обнаружить те места, где восприятие и воображение не подчинены капиталистическому «плоскому универсализму» (Нейра 2009: 223), то есть открыть зоны *прерывания* производства/потребления, с тем чтобы «оставить место для пассивности и без-образности» (Нейра 2015: 180). Причем под пассивностью здесь понимается отнюдь не бездействие, а «открытость тому, что идет из наиболее чуждого внешнего и из наиболее близкого нам внутреннего мира» (Там же: 194). Этот теоретический маневр вступает в двоякий резонанс, с одной стороны, с мотивом радикальной открытости (см.: Негарестани 2019: 201–214), с другой стороны, с баллардианской картографией «спуска в глубины времени» (см.: Баллард 2017: 31–48, 72–79).

приближении Нейра отвечает на этот вопрос так: «реляционное и интенсивное поле жизни и нежизни» (Ibid: 17). Проясняя свою мысль, он обращается к мультинатурализму и *делит его на два*.

Во-первых, *мультинатурализм разнообразия*, в рамках которого утверждается структурное разнообразие природ (собственно биоразнообразие) — дикой, одомашненной, гибридной, искусственной и так далее. Сила этого подхода совпадает с его же слабостью: будучи предельно демократичным/инклюзивным, он оказывается слишком «плоским» и, следовательно, неспособным ухватить «реальное измерение дикого», располагая последнее на одном плане с другими «природами», тогда как, по Нейра, «дикое есть *различающая сила* как таковая, матрица Другого, выражение того, что рокошет под разнообразием, порождая различные природы» (Ibid). В этом свете мультинатурализм разнообразия оказывается ложным союзником экологии разделения.

Во-вторых, *мультинатурализм дифференциации*, который, согласно известной формулировке, «утверждает не столько вариативность природ, сколько естественность варьирования, варьирование как природу» (Вивейруш де Кастру 2017: 41). Такой подход открывает доступ к рассмотрению природы в генетических терминах, ведь «*природа [здесь] есть сила онтологического различения*» (Neurat 2019: 18). Нейра, впрочем, предлагает «сместить» этот подход, сделав ударение на негенетическом аспекте генезиса,⁸ так как «без изначальной ночи не было бы дневного света; без темной стороны не было бы ни мультиверсума, ни природы во множественном числе» (Ibid). Но что это за изначальная ночь? По сути, речь идет о ключевом концепте работы Нейра — собственно *неконструируемом (the unconstructable)*.

Уже во введении этот «темный элемент», ускользающий от технологического господства *homo naturans*, соотносится с *диким* как «универсальным резервом несвязности (*disconnection*)» (Ibid: 18). По большому счету эта разъединяющая стихия дикого представляет собой концептуальный ответ на вызов, исходящий из социально-политической и теоретической конъюнктуры. Причем ответ этот, перефразируя Антонио Негри, можно обозначить как *натурфилософское дополнение к перспективе темного делезианства*. Поясню: в ситуации «усталости от ризом» (Гэллоуэй, Такер 2019: 13) возникает импульс к артикуляции «статуса смутного, отрицания, темных уголков бытия» (Galloway 2011: 238)

⁸ Заметим, что такой акцент обнаруживается уже в мультинатурализме дифференциации (см.: Вивейруш де Кастру 2019: 57, 58; Viveiros de Castro 2019: 23, 27).

и политизации невидимости и разъединения.⁹ Несомненно, проект Нейра вносит в это движение впечатляющий спекулятивный вклад:

В гиперсвязанном мире, где технология используется прежде всего для коммуникации, природа становится не средством «воссоединения» с неким аутентичным и чистым измерением вселенной; напротив, природа превращается в *вектор дистанции*, способный помочь нам освободиться от вирусного характера электронной коммуникации. «...» То, что мы называем *реальной природой*, суть ни тотальность мира, ни аморфный материал. «...» Далекая от того, чтобы служить великим соединителем, мистическим океаном, где каждая капля призвана радостно раствориться в других, реальная природа может отныне действовать как инстанция разделения внутри мира, который перенес (*extended*) принцип принципов экологии на технологические медиации, на *всемирную паутину*, на пролиферацию болтливых объектов, составляющих интернет вещей (Neurat 2019: 19, 154).

Итак, «реальная природа» представляет собой вектор разъединения, которое полагается чем-то *невозможным* в мире сетевой переплетенности. Тем самым подобная концепция снабжает *геополитическую картографию мест, где невозможное могло бы проявиться* (см.: Neurat 2017), натурфилософским «фундаментом» и в этом смысле предлагает обновленное решение задачи, поставленной Нейра в более ранних работах: «отстоять для мира, поглощенного процессом глобализации, возможность остаться не-образом» (Сосна 2005: 210). Как это сделать? «Необходимо создать то, что Делез называл “вакуолями одиночества и молчания”, или “вакуолями не-коммуникации”, то есть кратковременными прерываниями общения, актами разделения» (Neurat 2014). Именно здесь, как мы видим, траектория Нейра непосредственно сходится с поздним делезианством — рецепт «сопротивления настоящему» состоит в его *отделении от самого себя* (Нейра 2015: 182). Условием возможности такого отделения как раз и выступает неконструируемое, другое имя которого — *антипроизводство*.

⁹ См.: «...Сегодняшняя политика — это своего рода безудержное “темное делезианство”, в котором утверждение чистой позитивности с сопутствующим принятием множественного во всех его разнообразных формах... приводит тем не менее к тому, что оно призвано было искоренить: строгому бинаризму между нами и ними, между подключенным миром и темными континентами» (Galloway 2011: 246).

Перерабатывая этот концепт Делеза/Гваттари,¹⁰ Нейра использует его в качестве своеобразной отмычки, позволяющей выйти из тупика, в котором мы оказываемся, если мыслим природу *либо как порожденную* (картезианский/конструктивистский «объект», открытый для неограниченных интервенций), *либо как порождающую* (спинозистский «субъект» эпохи всемирной паутины). Уклоняясь от обеих позиций, Нейра предлагает помыслить то, что он называет *natura denaturans*: внутрприродную тенденцию, которая обеспечивает «сбои» и «торможения», тем самым не позволяя редуцировать природу ни к чистому продукту, ни к сугубой продуктивности. Это решение открывает доступ к динамической концепции природы, двумя аспектами которой являются «задержка» (*lag*) и «продвижение» (*advance*). Будучи краеугольным камнем этой теории, антипроизводство полагается как то, что предшествует производству, отсылая к некоему *первичному сокрытию*; в этом «сумрачном» свете союзником Нейра оказывается отнюдь не («анти-эдипальный») Спиноза, в оптике которого антипроизводство *вторично* вписано в производственный процесс, а Шеллинг, согласно которому «изначальное отрицание, предшествующее положительному присутствию сущностей в мире, никогда не исчезает» (Neurat 2019: 158). Такое отрицание заявляет о себе в *диком*, которое трактуется как некантианское (онтологическое) трансцендентальное, выступающее условием *как возможности, так и невозможности* (Ibid: 163).

Каким образом, исходя из описанной концепции, можно переосмыслить Землю и человеческие отношения с ней? Нейра утверждает, что по окончании космической гонки «психополитические инвестиции» в завоевание далекого космоса обратились к Земле, которая из колыбели разума превратилась в рабочий материал для геоинженеров, то есть произошла своего рода «смена фронта». Космическая эра, таким образом, обусловила возникновение антропоцена, для которого «человечество является внешним по отношению к Земле не только потому, что считает себя некоей неживой сущностью, но и потому, что *Земля рассматривается как нечто неземное*» (Ibid: 49). «Колыбель» стала «экзопланетой», которую необходимо подвергнуть «домашнему терраформированию» (Ibid), то есть, по сути, «превратилась» в модифицируемую управляемую «пустую машину». Критики такого взгляда, напротив, привыкли репрезентировать Землю

¹⁰ В «Неконструируемой Земле» антипроизводство приобретает «положительные» коннотации: Делез/Гваттари, «кажется, не понимают, что — далеком от того, чтобы быть чем-то ужасным и достойным заклятия — антипроизводство есть то, что позволяет миру существовать» (Neurat 2019: 157).

в качестве любящей матери, дарительницы жизни и тому подобно (см.: Glowczewski 2017; Povinelli 2018), то есть «полного тела», не сводимого к физическим или химическим элементам. Но, как справедливо замечает Нейра, даже если Земля является полным телом, это никак не мешает модификации ее внутренностей «наукой докторов терраформирования» (Neurat 2019: 167). Поэтому, отталкиваясь от концепции неконструируемого как «темной стороны истории Земли»,¹¹ он предлагает видение планеты, уклоняющееся от обеих «опций»: не будучи ни объектом, ни субъектом, «Земля — это прежде всего *траект*,¹² долгосрочная траектория, исходящая из глубин времени и обреченная на исчезновение (*extinction*)» (Ibid: 134). Такая траектория, основанная на «черном солнце антипроизводства» (Ibid: 180), никак не может быть сконструирована в лабораторных условиях, тем самым выходя за пределы человеческого господства. Земля как траект строго исторична, погружена во вселенную и внутренне связана с астрономическим внешним, которое, подобно космической крови, бьется в ее недрах (см.: Neurat 2018b).

Если задаться вопросом о том, что такое видение дает современному критическому дискурсу о природе, то ответ будет кратким: *природу*. Ее сведение к идеологеме и(ли) мистификации обесмысливает сам вопрос о том, «сколько мы можем брать у природы» (Timofeeva 2018: 145), ведь если последняя не существует, то желать ее сохранения попросту «абсурдно» и «контрпродуктивно» (Neurat 2019: 118). Работа Нейра вносит существенный вклад в обращение к «земным космологиям» (Sideris 2017: 417), поскольку не просто подрывает фантазии о планетарном менеджменте, но и открывает Землю внешнему, при этом не сводя ее к «химии» (Negarestani, Mackay 2011: 29–30).¹³ Желая заставить «землю двигаться», сегодняшняя спекулятивная философия реанимирует «мечту космистов о превращении планет в управляемые космические корабли» (Регев 2018). Но следует предположить, что граница между «*ноосферой*» и «*нооскопом*» остается довольно размытой. В конечном счете, разве в основе геокапитализма лежит не та же «синтетическая фантазия» (см.: Neurat 2019: 184), что и в космистских мечтах? Прежде филосо-

¹¹ См.: «Неконструируемое — не событие, имевшее место лишь однажды, в истоке мира и вещей; оно присутствовало на протяжении всей истории Земли, связывая ее прошлое с ее же самым отдаленным будущим: трансцендентальная темная сторона или изнанка (*counterlining*) — это другая сторона конкретной истории Земли» (Neurat 2019: 164).

¹² По-французски *trajet* — «путь», что созвучно с *objet* и *sujet* — Прим. ред.

¹³ Подробнее об этом см.: Шалагинов 2020: 260–264.

фы различным образом соединяли миры, но дело заключается в том, чтобы разделять их.

Библиография

- Баллард, Джеймс Грэм (2017). «Затонувший мир». В книге: *Terra Incognita: Затонувший мир. Выжженный мир. Хрустальный мир*. М.: АСТ, 5–179.
- Берарди, Франко Бифо (2018). «Проблематизируя акселерационизм с точки зрения тела». *Логос* 2 (28): 117–124.
- Вивейруш де Кастру, Эдуарду (2017). *Каннибальские метафизики. Рубежи постструктурной антропологии*. М.: Ad Marginem.
- Вивейруш де Кастру, Эдуарду (2019). «Несвоевременный, вновь». *Стадис* 1: 55–79.
- Гэллоуэй, Александр и Юджин Такер (2019). «Биты и атомы». *Синий диван* 23: 7–18.
- Дююи, Жан-Пьер (2019). *Малая метафизика цунами*. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха.
- Латур, Бруно (2018). *Политики природы. Как привить наукам демократию*. М.: Ad Marginem.
- Негарестани, Реза (2019). *Циклопедия: соучастие с анонимными материалами*. М.: Носорог.
- Нейра, Фредерик (2009). «Геокритика капитализма». *Прогноз* 1 (17): 219–225.
- Нейра, Фредерик (2015). «Сумеречное воображение: вымысел, миф и иллюзия». *Логос* 3 (105): 179–196.
- Регев, Йозель (2018). «Анти-хоррор: знание как лекарство от страха». *Нож*. <https://knife.media/anti-horror/>.
- Сосна, Нина (2005). «Фантазм без-образного». *Синий диван* 7: 210–213.
- Шалагинов, Денис (2020). «Геонекропсия и геокритика». *Неприкосновенный запас* 2 (130): 257–267.
- Danowski, Deborah and Eduardo Viveiros de Castro (2017). *The Ends of the World*. Cambridge: Polity Press.
- Galloway, Alexander (2011). «Black Box, Black Bloc.» In: *Communization and its Discontents: Contestation, Critique, and Contemporary Struggles*. Wivenhoe; New York; Port Watson: Minor Compositions: 237–249.
- Glowczewski, Barbara (2017). «Standing with the Earth. From Cosmopolitical Exhaustion to Indigenous Solidarities.» *Inflexions* 10: 1–24.
- Negarestani, Reza and Robin Mackay (2011). «Editorial Introduction.» *Collapse* 7: 3–37.
- Neyrat, Frédéric (2018a). *Atopias. Manifesto for a Radical Existentialism*. New York: Fordham University Press.
- Neyrat, Frédéric (2017). «Escape from Horror.» *The Philosophical Salon*. <https://the-philosophicalsalon.com/escape-from-horror/>.
- Neyrat, Frédéric (2018b). «Marx with the Stars.» *Electra* 4: 100–111.
- Neyrat, Frédéric (2014). «On the Political Unconscious of the Anthropocene: Frédéric Neyrat, interviewed by Elizabeth Johnson.» *Society and Space*. <https://www.societyandspace.org/articles/on-the-political-unconscious-of-the-anthropocene>.
- Neyrat, Frédéric (2019). *The Unconstructable Earth: An Ecology of Separation*. New York: Fordham University Press.
- Povinelli, Elisabeth (2018). «Mother Earth: Public Sphere, Biosphere, Colonial Sphere.» *E-flux Journal* 92. <https://www.e-flux.com/journal/92/204673/mother-earth-public-sphere-biosphere-colonial-sphere/>.
- Shaviro, Steven (2018). «Foreword.» In: Neyrat, Frédéric. *Atopias. Manifesto for a Radical Existentialism*. New York: Fordham University Press: ix–xii.
- Sideris, Lisa (2017). «Biosphere, Noosphere, and the Anthropocene: Earth's Perilous Prospects in a Cosmic Context.» *Journal for the Study of Religion, Nature and Culture* 11 (4): 399–419.